

ловича за два дня до смерти? Кстати, его же подпись стоит и на Свидетельстве о смерти Достоевского, выданном вдове через несколько дней после смерти мужа — 9 февраля 1881 г.¹²

¹² См.: ИРЛИ, ф. 100, № 30605, л. 102 (Копия рукой А. Г. Достоевской).

И. А. БИТЮГОВА

И. Л. ЛЕОНТЬЕВ-ЩЕГЛОВ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Иван Леонтьевич Леонтьев (1856—1911) пришел в русскую литературу под псевдонимом Щеглов в начале 80-х гг. с продолжавшими толстовскую традицию военными очерками и рассказами, один из которых («Неудачный герой») был опубликован в 1881 г. Салтыковым-Щедриным в «Отечественных записках». Ряд удачных новелл и повестей Леонтьева-Щеглова из жизни артистов и любителей театра («Миньона», «Корделия», «Кожанный актер» и др.), а также роман с широкой панорамой мещанского и дворянского быта того времени «Гордиев узел» (1887) были высоко оценены А. П. Чеховым. К 1887 г. относится и начало дружбы и переписки И. Л. Леонтьева-Щеглова с Чеховым, продолжавшихся более пятнадцати лет. В дальнейшем Щеглов обращается не только к беллетристическому, но и к драматургическому творчеству с преобладанием в нем произведений юмористического плана, порой веселых и неприязательных (например, комедия-водевиль «В горах Кавказа», 1888), порой иронических, но неглубоких (типа «юмористических очерков» и написанной на их основе пьесы «Дачный муж», 1888) или впадающих в шарж (повести и рассказы 1890-х гг. о нравах литературно-театральной среды, выдержанные в желчно-сатирической манере, особенно резкой в повести о последователях Толстого «Около истины»). Обеднению таланта Щеглова способствует противоречивость его взглядов, нарастание в поздние годы патриархально-славянофильских симпатий и отсутствие общей объединяющей идеи, что находит отражение в его повести «Убыль души» (1892), посвященной духовному кризису интеллигента-восьмидесятника. Соответственно, если в первый период своего творческого пути Щеглов пользовался большим успехом у современников, называвших его «учеником Гоголя», «вторым Гаршиным», «русским Джеромом»,¹ то впоследствии, еще при жизни, он постепенно начал утрачивать свою популярность. Переживая свое расхождение с широким миром писателей и издателей, спад интереса к нему читателей, Щеглов, однако, продолжает служить литературному делу. В 1890—1900-х гг. он составляет свои работы о Пушкине и Гоголе, не столь оригинальные, сколь проникнутые любовью к русским гениям, создает книги о

¹ См.: *Шах-Паронианц Л. М.* Чествование двадцатилетия литературной деятельности Ивана Леонтьевича Щеглова. Кронштадт, 1902. С. 33—34.

народном театре, ряд мемуарных очерков о писателях, артистах, других известных исторических лицах.

В наши дни Леонтьева-Щеглова вспоминают большей частью в связи с Чеховым, как одного из близких его товарищей, к которому адресовано много содержательных и душевных корреспонденций последнего, и автора известных воспоминаний о нем;² несколько ранних лучших его повестей и рассказов включены в сборники под названиями «Спутники Чехова» (изд. Московского университета, 1982) или «Писатели чеховской поры» (М., 1982. Т. 1). Ранее в первые послереволюционные годы в сборнике «Трудов Пушкинского Дома при Российской Академии наук», посвященном А. Н. Островскому, Б. Л. Модзалевский в статье о братьях и сестрах драматурга приводит некрологическую заметку И. Л. Леонтьева-Щеглова о П. Н. Островском «Замечательный, но совершенно неизвестный критик. (Из записной книжки)», опубликованную в газете «Слово» (1906. 26 ноября. № 7) и в дополнение к ней отрывок из другой его статьи «Островский и Теляковский. (Из записной книжки)», напечатанной там же (1907. 14 янв. № 48).³ Воспоминания Щеглова о Салтыкове-Щедрине были введены С. А. Макашиным в состав собранных им мемуаров о сатирике.⁴ В какой-то мере из обширного печатного и архивного (*ИРЛИ*) наследия Щеглова достойны извлечения из забвения и некоторые другие художественные и литературно-театральные его сочинения, особенно его мемуарные свидетельства и зарисовки. Для вынесения суждений о них необходимо учитывать ряд мудрых высказываний о Щеглове Чехова, который на основании знакомства с его произведениями 1880-х гг. ставил его наравне с Короленко, сетуя в письме к А. Н. Плещееву от 5 февраля 1888 г. о том, что одного «не читают» в Москве (Щеглова), другого «не любят» «в Питере», и выражая веру «в будущность обоих»,⁵ а потом критиковал его за недостатки как идейного, так и художественного порядка, признавая, что он «забыт», но все же даже в начале нового ХХ века не переставал призывать его не обижать своего «дарования, которое как-никак все же от бога», быть свободным, вырваться «на волю» от «гг. Буренин и К⁰», поставив себя в независимое положение от печатавшего его «Нового времени».⁶

² См.: Чехов в воспоминаниях современников. М., 1947; 1952; 1954. Из дневника И. Л. Щеглова (Леонтьева). Публикация Н. Г. Розенблюма // Литературное наследство. М., 1960. Т. 68. С. 479—492.

³ См.: Островский: Новые материалы, письма, труды и дни, статьи. М.; Пг., 1922. С. 250—255. Там же опубликованы письма к И. Л. Леонтьеву П. Н. Островского, Н. Н. Островской и М. Н. Островской (с. 269—296).

⁴ См.: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975. С. 299—307. Известны также публикации писем к И. Л. Леонтьеву А. Н. Плещеева и Д. К. Джерома со вступительными заметками, характеризующими взаимоотношения с адресатом известного русского поэта и прославленного английского юмориста; см.: Литературный архив. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 354—389; Ежегодник Рукописного отделения Пушкинского дома на 1974 г. Л., 1976. С. 200—214.

⁵ Чехов А. П. Полн. собр. соч. М., 1975. Т. 2. С. 192.

⁶ Там же, 1981. Т. 10. С. 166; 1982. Т. 11. С. 303.

Несомненный историко-литературный интерес представляет и все связанное в творческом и эпистолярном наследии Щеглова с именем Достоевского, которое возникает под его пером в последнюю, наиболее тяжелую пору его жизни. Хорошо знавший Щеглова в эти годы историк литературы А. А. Измайлов в своем «литературно-критическом очерке» о нем «Трагедия тоскующего юмориста», предосланном посмертно вышедшей книге Щеглова «Народ и театр», так отзывался о ее авторе: «По своему личному облику И. Л. Щеглов был красивым воплощением старого писательского типа. Все для него было в литературе, ничего вне ее. Среди имен старых мастеров слова, которых он вообще благоговейно читил, были два, которые являлись для него святыней. Это были Гоголь и Пушкин».⁷ И далее, рассказывая о проведенных в нищете и болезнях годах постепенного угасания Щеглова, Измайлов писал: «Как грустно было подумать, что это не кто иной, как он, чеховский „милый Жан“, тот самый человек, что молоденьким офицером дружил с Надсоном, жил вместе с ним, носился его талантом. Тот, что написал, заражая смехом партеры и райки, „Дачного мужа“, „В горах Кавказа“ и десятки других беззаботно веселых пьесок? (...) От прошлого осталась только ласковая привязчивая душа да смертная, всепокрывающая и все остальное устранившая любовь к литературе (...) Щеглов смеялся и в последних своих книжках (...) Но это был уже печальный смех. В душе уже выгорели всякая радость, всякое веселье (...) Оторванность его от кружков, делающих погоду в литературе, молчание обозревателей, материальная нужда, 55 лет за плечами, горечь сознания карьеры, обещавшей многое и давшей пустяки,—все это угнетало Щеглова».⁸

Именно к этому времени относятся воспоминания Леонтьева-Щеглова о Достоевском, которым предшествовало знакомство его с А. Г. Достоевской и несколько лет дружеского общения с вдовой писателя. Воспоминания Щеглова о великом современнике его юности были написаны к дню 30-летия со дня смерти Достоевского, опубликованы 28 января 1911 г. в «Биржевых ведомостях» и больше нигде не воспроизводились. Авторизованная (с правкой и подписью: «Ив. Щеглов») машинопись их хранится в рукописном отделении Пушкинского Дома в составе общей подборки воспоминаний его о писателях.⁹ Большую часть этих воспоминаний, в том числе и о Достоевском, судя по оставшемуся в творческом архиве Щеглова проекту «Полного собрания сочинений Ивана Щеглова в двадцати томах», он хотел включить в 17-й том этого собрания, озаглавленный «Воспоминания и отрывки. Дорогие тени». В первом варианте проекта с датой «1910. Декабрь» в перечне содержания этого тома «Достоевский» еще не значится, он предстает в «Последней редакции» проекта, составленной в феврале—мае 1911 г. (после публикации воспоминаний о Достоевском и до смерти Щеглова

⁷ Щеглов И. Народ и театр, СПб, 1911. С. XV.

⁸ Там же. С. XVII—XIX.

⁹ См.: ИРЛИ, № 1359.

4 июня 1911 г.), среди следующих писательских имен: «... 2) Кавелин. 3) Тургенев. 4) Толстой. 5) Достоевский. 6) Некрасов. 7) Плещеев. 8) Гаршин. 9) Надсон. 10) Чехов».¹⁰ В задуманном тогда еще отдельном издании «Дорогие тени. (Воспоминания и отрывки)», план которого тоже сохранился, приведенный ряд пополнил «Щедрин».¹¹

В воспоминаниях Щеглова о Достоевском не содержится каких-либо новых сведений — они посвящены одной случайной встрече в юности и впечатлениям от чтений Достоевского 16 марта 1879 г. на вечере в пользу Литературного фонда в зале Благородного собрания и днем 19 октября 1880 г. (у Щеглова ошибка памяти: «ранней весной») по поводу Лицейской годовщины в зале Городского кредитного общества также в пользу Литературного фонда. Об этих выступлениях Достоевского известны свидетельства и других его слушателей, но воспоминания Щеглова наиболее полно отражают их, написаны как бы на едином художественном дыхании и являются, по словам близкого к Щеглову «последние четыре года его жизни» молодого тогда писателя Р. К. Устьмедведицкого (Р. К. Кумова), одной из «свеч», которые «в храме русской литературы» этот «незримый старичок-сторож (...) аккуратно по великой любви каждый день ставил», сметая «пыль», храня «самые малые предания...».¹²

Приводим текст этих затерявшихся воспоминаний.

«Три мгновения»

(Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском)

I

Когда в конце 1875-го года в газетах появились объявления о выходе с Нового года «Дневника Писателя» Ф. М. Достоевского, как самостоятельного издания, — я поспешил по адресу Ф(едора) М(ихайловича), чтобы заблаговременно подписаться на «Дневник», ибо должен был по службе после праздников уехать обратно в провинцию.

Жил тогда Достоевский на Песках, около Греческой церкви, и — помню — с каким необычайным волнением поднимался я тогда по лестнице к дверям квартиры знаменитого писателя.

Долго не решался взяться за ручку звонка... Хотя я направлялся в контору «Дневника» и рассчитывал получить обычную квитанцию

¹⁰ ИРЛИ, № 1354, л. 1—5 и отдельно л. 4 об. Под мемуары (литературные, исторические, театральные и пр.) в собрании отведено три тома (17-й, 18-й и 19-й), но они не исчерпывают всего имевшегося у Щеглова в этом жанре: в них, как и в собрание сочинений в целом, несмотря на то что оно названо «Полным», должно было войти далеко не все написанное Щегловым, особенно по части публицистики, критики, работ о театре (см., например, не лишнюю интереса для изучения литературной эпохи зафиксированную им самим в одной из записных книжек его «Библиографию» 1904—1911 гг.: ИРЛИ, № 1435).

¹¹ См.: ИРЛИ, № 1354, л. 15.

¹² *Устьмедведицкий Р. К.* Подвижник слова (Воспоминания об Иване Леонтьевиче Леонтьеве-Щеглове) // Ист. вестн. 1913. № 12. С. 1033—1038.

из рук конторщицы, но — почему знать (сладко щемило сердце какое-то тайное предчувствие) — почему знать... вдруг придется столкнуться с *самим!*

Сам (т. е. Достоевский) * окружен был для меня всегда ореолом чего-то сверхчеловеческого и в то время в моем пылком воображении двадцатилетнего офицера, рисовался мне в образе грозного немолчаливого судьи — и, признаться, встречи с ним с глазу на глаз я немало трусил.

И вдруг, представьте, какая неожиданность? Не только не оказалось никакой конторщицы, но даже не оказалось никакой «конторы», и навстречу в переднюю ко мне вышел сам Федор Михайлович, совсем по-домашнему, в поношенной серой пиджачной паре, с добрейшей-предобрейшей улыбкой на усталом лице — и, видя мое великое смущение, с трогательным радушием провел меня в свой кабинет.

Я был как в чадy и решительно не помню, в какой обстановке происходило свидание. Общее впечатление было... крайней простоты, почти бедноты... Как это ни странно, но, по-видимому, и сам Ф(едор) М(ихайлович) был немало смущен при виде юного блистательного гвардейского офицера, едва ворочавшего языком от волнения.

На небольшом письменном столе с потрепанным зеленым сукном лежала раскрытая линованная тетрадка и стопка нарезанных кусочков белой бумаги. Он взял со стола табачницу и стал свертывать толстую-претолстую «папиросу-пушку». Затем как-то полурастерянно проговорил:

— Уж, право, не знаю, как с Вами быть, молодой человек? Канцелярия-то у меня еще не налажена... Бланки не заготовлены... Я уж, извините, дам вам простую расписочку, а форменную квитанцию вышлю потом, по вашему адресу!..

И все это ласковым отечески добродушным тоном.

Я что-то пробормотал, едва слышно, в знак благодарности.

Выдав мне расписку, Ф(едор) М(ихайлович) с облегченным чувством закурил папироску и с тем же трогательным радушием проводил до передней. И, потирая на ходу руки, добавил с довольной улыбкой:

— Ничего, подписочка так себе, подвигается... Даже сверх ожидания!

На прощание он пожал мне руку:

— Всего хорошего, молодой человек... Всего доброго!..

Свидание мелькнуло как одно мгновение, но я вышел на лестницу совершенно зачарованный... простотой и добродушием великого человека.

А знаете ли, какая это была подписочка «сверх ожидания»? Всего две тысячи и столько же в розничной продаже! Госпоже Вербицкой, считающей тиражи своих изданий в двадцать, тридцать и более тысяч, остается только снисходительно улыбнуться.

---

* Пояснения в скобках восстановлены по машинописи Щеглова.

Вторично мне пришлось увидеть Ф. М. Достоевского лишь спустя три года, на «литературном утре» Литературного Фонда, весной 1879-го года.

Тут уже полная перемена декорации.

Сейчас мерещится, как в тумане, огромный зал Благородного собрания, переполненный избранной публикой. Несмотря на то, что зал набит битком, в зале тихо-тихо, слышно как муха пролетит, вся публика как один человек затаила дыхание, чтоб не проронить ни одного звука.

На эстраде — Ф(едор) М(ихайлович).

Он читал главу из «Братьев Карамазовых»: «Исповедь горячего сердца».

Впрочем, сказать про Достоевского только: «он читал» — все равно что ничего не сказать. Понятие о чтении в обычном смысле неприменимо, когда дело идет о Достоевском. Так, как читал Ф(едор) М(ихайлович), когда он был в ударе (а в этот раз он был в особенном ударе), кажется, никто из русских литераторов не читал! Это было прямо что-то сверхчеловеческое, так сказать, новое творчество во время самого процесса чтения, сопровождаемое таким огромным нервным подъемом, который слушателя зараз заражал и ошеломлял и как бы насыщал атмосферу вокруг электричеством... Достаточно было на минуту полузакрыть глаза — и чтец и автор вдруг исчезали — и только слышались в затаенной тишине, как лилась и переливалась пламенная покаянная речь Мити Карамазова — воистину исповедь горячего сердца!

В моих ушах до сих пор звучит стих, цитируемый Митей Карамазовым:

Нам друзей дала в несчастье,
Гроздий сок, венки Харит,
Насекомым — сладострастье...

Это — «Насекомым — сладострастье» было произнесено каким-то сдавленно-страстным, нервно-трепетным шепотом, от которого дрожь пробегала по телу.

И далее:

«Я, брат, это самое насекомое и есть, это обо мне специально и сказано. И мы все, Карамазовы, такие, и в тебе, ангел, это насекомое живет и в крови твоей бури родит. Это — бури, потому что сладостратие — буря, больше бури! Красота это страшная и ужасная вещь!!»

Буквально волосы шевелились на голове от этого огненного проникновенного чтения. — Впечатление было близкое к тому, что дает «Патетическая симфония» Чайковского. Чтб в том, что Достоевский дерзнул взять для публичного чтения самую дерзновенную главу «о Мадонне и грехе содомском», но в его передаче каждое слово жгло и хватало за сердце, унося куда-то в неведомые и недосыгаемые дали... «Гипноз» окончился только тогда, когда До-

стоевский захлопнул книгу. И тогда началось настоящее столпотворение: хлопали, стонали, махали платками, какая-то барышня поднесла пышный букет, кому-то сделалось дурно...

Читали кроме Достоевского в это утро Плещеев, Полонский, Тургенев и Савина — и последним была устроена по окончании чтения «Провинциалки» шумная овация.

Но за тридцать лет как-то многое померкло в памяти, кроме «исповеди горячего сердца» в изумительной передаче Достоевского.

Такие мгновения в жизни единственны!

III

В третий раз, и — увы — в последний, я опять видел Достоевского на «утре» Литературного фонда в зале Кредитного общества, что на Александровской площади. Происходило это ранней весной, за год до смерти Достоевского.

И опять не помню ничего другого прочно, кроме самого Достоевского! Кстати сказать, и самую программу литературного утра я куда-то затерял. Помню только, что он выступил во второй половине программы, и начало не обещало ничего особенного. И читал он совсем немного, чуть-чуть вяло, видимо полубольной; читал он прелестный пушкинский отрывок «Начало сказки»:

Как весенней теплою порою,
Из-под утренней белой зорюшки,
Что из лесу, из лесу из дремучего —
Выходила медведица,
С малыми детушками-медвежатами,
Погулять, посмотреть, себя показать!..

К концу чтения Ф(едор) М(ихайлович) заметно разогрелся пушкинской поэзией и плач вдовца-медведя о чернобурой медведице и появление зверей прочел с неподдельным юмором, заразив смехом весь зал.

Публика шумно потребовала повторения. Во второй раз Ф(едор) М(ихайлович) прочел тот же отрывок куда с большей выразительностью и художественной тонкостью и возбудил новые единодушные аплодисменты... Несмотря на настойчивые вызовы, Достоевский почему-то долго не показывался перед публикой. Но когда он наконец вышел, на лице его было выражение значительное и торжественное, — и на эстраду он на этот раз не взошел, а остановился возле эстрады прямо перед первыми рядами и начал взволнованным голосом:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился...

Это был «Пророк» Пушкина — любимейшее стихотворение Ф(едора) М(ихайловича). Публика замерла, захваченная волнением чтеца. А чтец с каждым стихом пламенел все больше и больше и последний стих

Глаголом жги сердца людей! —

подчеркнул таким увлечением, что буквально весь зал дрогнул.* Это « жги » он как-то иступленно выкрикнул, с сверкающим взглядом, с резким повелительным жестом правой руки.

Впечатление получалось ошеломляющее. Стих Пушкина сам по себе необыкновенный и вдохновенный, — и тут же вдруг чтец такой же необыкновенный и вдохновенный. Поднялась целая буря рукоплесканий, заставившая Ф(едора) М(ихайловича) после многих поклонов прочесть «Пророка» вторично.

И вот он снова около эстрады, весь бледный от волнения, и с тем же пафосом льются из его уст огненные строки...

Так он и запечатлелся навсегда в моей памяти, великий писатель, каким я его видел последний раз: с горящим взглядом, с протянутой повелительно рукой, с вещим словом в устах:

Глаголом жги сердца людей!

И он ли, спрашивается, не «жег» эти сердца и не был воплощением на земле этого библейского пушкинского пророка, — кому (по словам поэта) Сам Господь на место сердца —

...уголь пылающий огнем
Во грудь отверстую водвинул!

Ив. Щеглов

СП., 26 января 1911 г.¹³

А. Г. Достоевская, которая находилась к этому времени с И. Л. Леонтьевым-Щегловым в частой переписке, в письме от 9 февраля 1911 г. откликнулась на эту публикацию в «Биржевых ведомостях»: «Сердечную благодарность приношу Вам за Ваши воспоминания о моем незабвенном муже. Так Вы видели его лично? Как я рада, что он произвел впечатление добродушного и сердечного человека! Ведь принято изображать Федора Михайловича хмурым, озлобленным человеком, готовым каждую минуту наговорить дерзостей; таким изображает его академик Янжул в своих воспоминаниях. И как это несправедливо!»¹⁴

Что касается дошедшей до нас (в основном в ИРЛИ, а также в ГБЛ) переписки А. Г. Достоевской и Леонтьева-Щеглова, то она содержит 14 писем А. Г. Достоевской к нему начиная с 17 ноября 1906 г. по 20 апреля 1911 г. и 9 писем Щеглова к вдове Достоевского с 24 декабря 1906 г. по 29 апреля 1911 г. Кроме того, в библиотеке Пушкинского Дома сохранились две книги Щеглова «Рассказы»

¹³ Биржевые ведомости. 1911. 28 янв. № 12146. Вечерний вып. Авторизованная машинопись существенных различий с текстом газетной публикации не содержит, свидетельствуя лишь об отдельных словесных исправлениях, сделанных Щегловым позднее (не в машинописи), перед набором; единственный значимый вариант относится к концу фразы, отмеченной *; *было*: и последний стих бросил в публику с такой потрясающей силой, что буквально весь зал дрогнул: «Восстань ∞ людей!» (т. е. давалось целое четверостишие вместо одного его последнего стиха).

¹⁴ Литературное наследство. М., 1973. Т. 86. С. 539—540.

(СПб., 1910) и «Смех жизни» (СПб., 1910) с проникновенными дарственными надписями; на первой и них написано:

«„Лучу света в темном царстве моей жизни“ —
Глубокочтимейшей Анне Григорьевне Достоевской —
Всепреданнейше:

Автор!!!

10-е октября 1910 г.
Память О(тца) Амвросия
(О. Е. Осипова)»; ¹⁵

на второй:

«Удивительной русской женщине
Анне Григорьевне
Достоевской
почтительнейший привет
с Новым годом
от глубоко преданного
Автора.

С.-Петербург. 1 января 1911». ¹⁶

Эти надписи, как и сохранившиеся письма обоих корреспондентов, свидетельствуют о давних добрых отношениях, установившихся, вероятно, еще до 1906 г., поскольку в первом известном нам письме к Леонтьеву-Щеглову от 17 ноября 1906 г. А. Г. Достоевская, посылая ему свой «Библиографический указатель», обращается к нему как к близкому знакомому и просит «замолвить доброе словечко» о ее четырехлетнем труде. ¹⁷ Об этом же говорят письма и дневники Щеглова. Так, в одной из тетрадей с дневниковыми набросками (под названием «Мемуары») он записывает: «2 апреля (1906). Светлое воскресенье. Утром у Ан. Григ. Достоевской». ¹⁸ В письме от 25 декабря 1906 г., приветствуя «глубокочтимейшую Анну Григорьевну» с рождественским праздником, он вместе с тем заверяет ее, что будет у нее «завтра во вторник (...) согласно ноябрьскому „Кишенскому трактату“» ¹⁹ (речь идет, должно быть, о получении от нее сведений и материалов для его будущей статьи о Д. Д. Кишенском — см. об этом ниже).

Вообще переписка между ними имеет самостоятельное значение, связанное как с объединяющим ее именем Достоевского, так и с отражением в ней событий не только их личной, но и литературной жизни того времени. В письмах от 7 февраля и 29 марта 1907 г.

¹⁵ Библиотека ИРЛИ, 19 $\frac{5}{2}$.

¹⁶ Там же, 27 $\frac{8}{17}$.

¹⁷ См.: ИРЛИ, № 784 (здесь же хранятся и все остальные письма А. Г. Достоевской к И. Л. Щеглову).

¹⁸ ИРЛИ, № 1438, л. 27 об. (с. 52).

¹⁹ ГБЛ, ф. 93, п.10.3.

А. Г. Достоевская, например, сначала сообщает Щеглову о выходе сборника «Стихотворений лейтенанта С.», знакомого ей «с детства» и погибшего при Цусиме «юноши» К. К. Случевского (сына известного поэта К. К. Случевского), рассчитывая на него как на ценителя поэзии с тонким «литературным чутьем», а затем благодарит его за согласие поместить рецензию в «Слове», где он был постоянным сотрудником. В ответном письме Щеглову от 12 мая 1907 г. она выражает готовность познакомиться и принять в его присутствии «дорогого гостя», известного английского писателя, автора книги «Россия», Макензи Уоллеса. К Щеглову адресует А. Г. Достоевская просьбу похлопотать об устройстве на работу бывшей учительницы старорусской школы имени Достоевского Е. А. Троицкой и тамошнего смотрителя духовного училища В. А. Смирнова — письма от 28 августа 1907 г. и 11 ноября 1908 г., в последнем из которых она сообщает ему «новый адрес»: «Преображенская (угол Спасской) 40, кв. 4. По Спасской (до угла Преображ(енской))». В письме от 9 февраля 1911 г. с благодарностью за воспоминания о Достоевском (см. выше) она сетует, что Щеглов не пришел к ней, как обещал, в ее приемный день — воскресенье, когда специально повидать его явилась к ней «одна из поклонниц» его «таланта», и спрашивает, не будет ли он у нее в следующее воскресенье. Письма от 11 октября 1910 и 4 января 1911 г. содержат благодарственный отклик А. Г. Достоевской на подаренные ей сборники и на «слишком» лестные для нее надписи на них и отзыв о «высокоталантливых» его «Рассказах», которые она «всегда» читает «с таким интересом», а во втором письме — о «сильном впечатлении» от «некоторых рассказов» из «Смеха жизни».²⁰ В письме от 11 марта 1911 г. она просит Щеглова, если он здоров и не очень занят, навестить ее, ожидая от него «доброе совета по одному литературному делу», а в письме от 22 марта 1911 г. извещает, что дочь ее «очень была довольна» его отзывом об ее книге «Больные девушки»,²¹ и т. д.

Со своей стороны, Щеглов в письме от 9 мая 1910 г. к А. Г. Достоевской извиняется, что не смог «урваться» к ней в очередное воскресенье и собирается прийти в следующее, пишет, что кроме главной просьбы, касающейся «Вечного мужа» (см. о ней ниже), «заинтересован еще по 2-м пунктам: 1) Отношение Достоев(ского) к К. Д. Кавелину!! 2) Черты привязанности у Достоев(ского) к Гоголю!!

Остальное до воскресного свиданья!!».²² Вернувшись накануне от нее и получив письмо из Москвы, он обеспокоился, почему она как жена Достоевского, произведения которого инсценируются, не

---

²⁰ У А. Г. Достоевской описка в дате этого письма: «1910. 4 января» — год проставлен ошибочно, так как книга «Смех жизни», о которой она здесь пишет, вышла в конце 1910 г. и была ей подарена с надписью от 1 января 1911 г.; кроме того, наша редакторская датировка подтверждается и другой частью письма, о чем речь пойдет ниже.

²¹ *Достоевская Л. Ф.* Больные девушки: Современные типы. СПб., 1911.

²² ИРЛИ, № 30146.

член основанного там 30 лет назад А. Н. Островским «нашего (...) „Общества русских драматических писателей“», о чем и спрашивает ее в письме от 11 октября 1910 г.²³ 15 января 1911 г. он посылает А. Г. Достоевской вместе с письмом «вырезку из сегодняшних „Вечер(них) Бирж(евых) ведомостей“» и выражает уверенность, что она «также близко к сердцу» примет возмутительный факт и станет на «сторону бедной Софьи Андреевны, беспощадно терзаемой(...) смиренными христианами(?) [братья(ми)] „толстовцами“». ²⁴ Поздравляя 2 февраля 1911 г. А. Г. Достоевскую с днем (предполагаемых) именин, Щеглов приписывает: «P. S. Я давно так глубоко не плакал, как в церкви Св(ятого) Духа 28-го января — плакал от „великой обиды“... какой — Вы догадываетесь!

Немного утешил и тронул венок от офицеров Сибирского полка (думается, ему место в Историческом музее?).

Литературный фонд 8-го февраля, видимо, желает искупить свою непростительную халатность...

Верю, как в перст божий, что в 50-летнюю годовщину будут около памятника Достоевского *несметные толпы*... Но сомнительно, чтобы я дожил до этого покаянного торжества!.. Черепашьим шагом движется у нас г-жа культура, — надо в том прямо сознаться». ²⁵

В этом же письме Щеглов выражал надежду побывать у А. Г. Достоевской (о чем она и упоминала как об его обещании в письме от 9 февраля). «К счастью, „морозы“, видимо, спадают, и я буду иметь возможность, — признавался он, — в ближайшее воскресенье вытрясти перед Вами мою скорбящую душу!...». ²⁶ В одной из открыток, судя по почтовому штемпелю от 14 марта 1911 г., он, по поводу намерения А. Г. Достоевской преподнести том «Биографии...» Достоевского его собрату по перу, писал: «Глубоко тронут за моего доброго товарища Мих(аила) Нил(овича) Альбова. (Перешлю с

²³ ГБЛ, ф. 93, П.10.3.

²⁴ ИРЛИ, № 30340.

²⁵ В «Мемуарах» — дневнике Щеглова содержится аналогичная запись: «28 января 1911 г. годовщина смерти российского Шекспира — Фед. Мих. Достоевского. На мое счастье, впервые мягкая погода, снег.

Заупокойная обедня с панихидой в церкви Св(ятого) Духа и лития на могиле Ф. М. Давно так горько на плакал, как во время обедни в церкви Св(ятого) Духа! Плакал от великой обиды, нанесенной памяти великого человека... Прошло тридцать лет... в церкви, кроме вдовы А. Г. с дочерью, кучка добрых знакомых А. Г. — в общем, человек... десять!!» (ИРЛИ, № 1446, л. 10а—1). И далее в той же тетради: «На могиле, во время литии, прибавилось 2—3 студента и два репортера... из „литераторов“ (...)

И только-то.

Где представители Литер(атурного) фонда, для которого столько потрудился Достоевский, где „Общ(ество) защиты детей“, где „В(ысшая) Юридическая Академия“, „Национальный клуб“, „Русское собрание“ или?? Никого!!! Положительно, этот день следует отметить, как день *исторически позорный для нашей столичной общественности!* Вечер печального дня провел у доброго М. Н. Альбова. Принес ему просвиру с выпеченной частью „за упокой раба Федора“.

Вот и все...» (там же, л. 14 об).

²⁶ ИРЛИ, № 30340.

Вашим автографом)». ²⁷ Несколько позднее в письме от 24 марта 1911 г. в связи с книгой Л. Ф. Достоевской он советовал: «Не знаю — поминал ли я Вам при последнем свидании (...) о Василии Васильевиче *Розанове*? Вот кому следует послать, а лучше... лично вручить книгу Л(юбовь) Ф(едоровны)! Тема „Больных девушек“ его всегда особенно интересовала, и он мог бы прорваться в „Новое время“ захватывающей статьей! (А это будет поважнее маленькой рецензии в «Приложении»); просил «кланяться» Розанову и передать, что здоровье его «гораздо хуже», что он не бывает у него «в его субботы» потому, что «нигде не бывает (далее Преображенской)», ²⁸ где жила А. Г. Достоевская. Сообщая ей 29 апреля, что уже не может выходить, Щеглов прилагает вырезку: «В пятницу 29-го апреля в зале Тенишевского училища прив.-доц. С. А. Андриановым будет вторично прочитана лекция „Братья Карамазовы“. Творческий замысел Достоевского и сценическое воплощение его Московским Художественным театром». ²⁹

Наиболее существенно для нас в их переписке то, что относится к работе над инсценировкой «Вечного мужа» Достоевского. Решение придать этой повести драматургическую форму было принято, видимо, по согласованию с А. Г. Достоевской в начале мая 1910 г. 9 мая 1910 г. Щеглов обратился к ней с уже понятной для нее просьбой: «Не знаю, где бы достать *отдельный* экземпляр „Вечного мужа“ — мне это *психологически* нужно для более отдельного (от друг(их) соседних сочинений) обдумывания. Если бы Вы нашли возможность мне его прислать, как намеревались, для меня это было бы вдвойне счастливее и, так сказать, *мистически* связало бы мою работу с оригиналом!!!». ³⁰ Пожелание Щеглова было исполнено. 13 мая 1910 г. А. Г. Достоевская писала ему: «Очень извиняюсь, что только сегодня доставляю обещанный экземпляр ром(ана) „Вечный муж“. Издание разошлось, и трудно было найти книгу». Оче-

²⁷ ИРЛИ, № 30340. В письме к Щеглову от 22 марта 1911 г. А. Г. Достоевская сообщала, что «Биографию» (имеется в виду: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883) она сама «доставила Михаилу Нилевичу еще в начале прошлой недели и получила от него очень милое письмо» (ИРЛИ, № 784). В упомянутом ею письме М. Н. Альбов писал о произведениях Достоевского: «Прямо могу сказать, я на них воспитался», а по поводу «Биографии» замечал: книга дорога «особенно еще потому, что получена мною от Вас, глубоко-уважаемая Анна Григорьевна, спутницы жизни и участницы в трудах великого русского писателя...» (ЦГАЛИ, 212, оп. 1, ед. хр. 167).

Щеглов вообще часто служил связующим звеном между знакомыми ему представителями литературы и искусства и А. Г. Достоевской. Так, в дружеском письме к нему из Москвы от 8 сентября 1906 г. художник В. М. Васнецов писал: «Я заочно свидетельствую свое глубокое почтение супруге Великого, Гениального Достоевского. Если б Вы знали, до какой степени этого писатель мне дорог помимо гениальности. Я не знаю, сколько раз перечитывал его великие трагедии, трагедии человеческой души! „Бесы“ его — это пророческое провидение настоящего нашего времени. Апокалипсическая прозорливость. Рад и счастлив буду, если уважаемая Анна Григорьевна почтит нас своим посещением. Вся семья моя достойно чтит Великого Достоевского. Прошу передать ей наши чувства и приглашение» (ГБЛ, ф. 93, III.2.19).

²⁸ ИРЛИ, № 30340.

²⁹ ГБЛ, ф. 93, II.10.3.

³⁰ ИРЛИ, № 30146.

видно, она послала ему «Вечного мужа», вышедшего отдельной книгой в издании А. Ф. Базунова в 1871 г. В этом же письме, кстати, она пишет, что будет «рада» увидеть его у себя «в воскресенье», после чего уезжает, и обещает поговорить «по поводу заданных (...) вопросов (об отношении Федора Михайловича к К. Д. Кавелину)».³¹ Свидание их состоялось, и после повторного разговора с ней об инсценировке «Вечного мужа» замысел начал принимать определенные очертания. Вечером этого дня он записывает в своих «Мемуарах»: «16 мая. Воскресенье. У почтеннейшей Анны Григорьевны Достоевской. Взволновала меня предложением переделать для сцены рассказ Фед. Мих. — „Вечный муж“. Вечером озарила идея оригинальнейшего „сценария“ одноактной драмы... „Господин с крепом на шляпе!“ Страстно хотелось немедля засесть за работу. Как бы не так: за кварт(иру) за 2 мес(яца) не плачено, долг портному, князю Долгор(укому), долг Храмову (400?) надо, наконец, подумать о долгах и лечении — словом, вместо работы, бегать, чтобы достать денег. А потом лови „настроение“ за хвост!...».³² В архиве писателя сохранились наброски, отражающие различные моменты обдумывания инсценировки, и ее рукопись. Щеглов сразу же решает сосредоточить внимание на линии Трусоцкий, Вельчанинов, Наталья Васильевна, Лиза, отбросив часть, касающуюся семейства Захлебиных, и 31 мая 1910 г. делает для себя в тетради постраничные наброски сцен.³³ 25 июня 1910 г. он начинает с монолога Вельчанинова «Невозможно заснуть...» разработку «драматического этюда в одном действии».³⁴ 5 июля 1910 г. после окончания основной части его он составляет следующую заметку, определяющую характер произведенной им переработки, используя впоследствии эту заметку в публикации как подстрочное примечание для читателя: «Исходной точкой для инсценировки „Вечного мужа“ послужила вторая глава рассказа: „Господин с крепом на шляпе“ — название, поставленное в заголовке как наиболее отвечающее психологической стороне разыгрывающейся интимной драмы. Должен оговориться, что, за исключением немногих строк, добавленных от себя ради „сценической связности“, всюду сохранен подлинный текст Достоевского во всей его, так сказать, нервно-трепетной своеобразности».³⁵ Дополнением к этой заметке могут послужить сформулированные Щегловым в другой тетради основные пункты (сохранились с 4-го) переделки, которые позволяют судить об истолковании Щегловым повести Достоевского и тех основных изменениях, которые он в нее внес: «4) Выкинул, как усложнение, рассказ о *Багаутове* (...) 5) Свои слова лишь в начале пьесы и в конце, а вся середина — сплошной *текст* До-

³¹ ИРЛИ, № 784.

³² ИРЛИ, № 1445, тетр. № 1, л. 64 об.—65.

³³ ИРЛИ, № 1366, обложка и л. 1—9 (1—8 в авторской пагинации).

³⁴ ИРЛИ, № 1364, л. 1—40 (1—39 в авторской пагинации).

³⁵ Там же, л. 2; Пробуждение: Литературно-художественный журнал. СПб., 1914. Вып. 13. С. 407.

стоевского. 6) Столкнулись два самца: проблема полового вопроса. Случайная дуэль. 7) Укорочено и опрошено в сценических видах. P.S. 1) Переделка, сценарий удалась без затруднений. Самое трудное в местах, где приходилось говорить *своими* словами, уловить и сохранить стиль Достоевского, причудливый дух его языка. 2) Необходимость сохранить по возможности *текст* неприкосновенным (пусть длинно и сами актеры сокращают). 3) Изменить фигуру Наташи и насмарку черты „вечного мужа“ — суть в психологическом конфликте». ³⁶

В «Мемуарах» как дату окончания «трудной» переделки для сцены из рассказа Ф. М. Достоевского «Вечный муж» Щеглов пометил 15 июля (1910 г.) и снова подчеркнул: «Кажется, удалось... Кроме начала и конца — *почти всюду* сохранен текст подлинника!...». ³⁷

Осенью 1910 г., вероятно, по возвращении А. Г. Достоевской в Петербург, Щеглов передал ей подготовленный им текст инсценировки в рукописи, с которым она познакомилась и при очередной встрече их 10 октября сделала свои замечания, касающиеся, судя по приводимым ниже их письмам, степени глубины воспроизведения в «этюде» Щеглова повести Достоевского и трактовки им характеров ее персонажей. Он же изложил ей свой взгляд на них, с учетом того, как они, по его мнению, должны выглядеть на сцене. 11 октября 1910 г. Щеглов писал А. Г. Достоевской, упомянув вчерашнее свое посещение: «Не знаю, как Вас благодарить за Ваши „вечно-муж-ские“ замечания к моей переделке?.. Что она *сценична* — это, кажется, несомненно; но что она *поверхностна* и не захватывает всей глубины — это уже несомненно без всяких „кажется“. Легко также сказать: „переделать Достоевского...!“». ³⁸

В тот же день, 11 октября, А. Г. Достоевская тоже отправила ему письмо. «Вчера весь вечер обдумывала Ваши возражения, — писала она, — вновь перечитала рукопись и пришла к заключению, что Ваша точка зрения на героев „Вечного мужа“ вернее, и пьеса благодаря этому выигрывает. Поэтому не подвергайте ее переделке, а только предложите актеру (как Вы предполагали) прибавить, если он это найдет нужным для выпуклости роли. При втором чтении переделка мне показалась еще сценичнее, и если найдутся для ролей Вельчанинова и Трусоцкого талантливые актеры, то пьеса произведет большое впечатление». ³⁹

23 октября 1910 г. пьеса получила резолюцию Цензуры драматических сочинений «К представлению дозволено», ⁴⁰ а несколько позднее, как выясняется из следующего письма А. Г. Достоевской от 4 января 1911 г. (о редакторской датировке его см. примеч. 20), Щеглов договорился о постановке ее с Литературным фондом, ко-

³⁶ ИРЛИ, № 1366, л. 16 (на последнем листе тетради, после чистых).

³⁷ ИРЛИ, № 1445, л. 70.

³⁸ ГБЛ, ф. 93, II, 10.3.

³⁹ ИРЛИ, № 784.

⁴⁰ ИРЛИ, № 1445, театр. № 2, л. 4.

торый собирався 8 февраля 1911 г. устроить вечер, посвященный 30-летней годовщине со дня смерти Достоевского (см. процитированное письмо Щеглова от 2 февраля 1911 г.).

Но далее дело с подготовкой инсценировки осложнилось.

15 января 1911 г. Щеглов уведомлял А. Г. Достоевскую: «...принялся за переделку конца («Вечного мужа») и поймал вкравшиеся фальшивые ноты — там, где я отступил от текста Достоевского. Спектакль перенесен на 5-ое февраля, а Батюшков уехал в Ялту к больному брату».⁴¹ Пьеса «в новой редакции (самый конец)» была снова сдана в цензуру. Зафиксировав это в своей записной тетради, Щеглов замечает: «Ах! как трудно добросовестно... „инсценировать“ Достоевского! Строки Достоевского точно электрические — и малейшая неверная нота, неудачная своя строка губит все дело. Сохранив почти полностью текст, я сохранил в то же время *сценичность*. Штука не легкая».⁴² На «исправленном экземпляре» была в тот же день сделана помета об утверждении его 29 января 1911 г. Главным управлением петербургской драматической цензуры.⁴³ «Спектакль» был намечен или на 5 февраля отдельно или в составе памятного вечера 8 февраля. Однако ни 5, ни 8 февраля, когда в соответствии с прежним планом и состоялись чтения в память Достоевского, инсценировка не была поставлена. В уже упомянутом (в связи с воспоминаниями Щеглова о Достоевском) письме от 9 февраля 1911 г. А. Г. Достоевская выражала сожаление по этому поводу: «Пишу Вам под впечатлением вчерашнего Литературного вечера. Прошел он блестяще и некоторые вещи произвели колоссальное впечатление».⁴⁴ Но как глубоко жаль, что в программу не включили „Вечного мужа“ в Вашей талантливой переделке. Боюсь, что мне не доведется увидеть на сцене этого любимого мною произведения Федора Михайловича».⁴⁵ Что было причиной тому, что готовящийся уже спектакль был отменен (задержка ли Батюшкова, нездоровье ли самого Щеглова, который не смог активно содействовать его организации, критическое ли отношение к сценарию), неизвестно. Однако в тетради с пунктами к переделке на последнем листе (см. выше), на лицевой первой стороне этого листа внесена загадочная запись: «Дали. Пополам с грехом, как переделку».⁴⁶

⁴¹ ИРЛИ, № 30340.

⁴² ИРЛИ, № 1366, л. 8 об—9 (7 об—8 в авторской пагинации); см. также новый «конец»: ИРЛИ, № 1364, л. 41.

⁴³ ИРЛИ, № 1445, тетр. № 2, л. 3 об.

⁴⁴ По поводу этого вечера в отчете Литфонда записано: «Литературный вечер в память Ф. М. Достоевского в зале Тенишева, давший чистой прибылью 826 руб. (...) Принимали участие и оказывали содействие по устройству литературного вечера в память Ф. М. Достоевского следующие лица: И. И. Судьбинин, В. Н. Севелодский, П. В. Самойлов, Н. Н. Ходотов, К. Я. Яковлев, М. Г. Савина, В. Г. Иолшина, А. И. Долинов, В. А. Гарлин, В. П. Далматов, С. А. Адрианов и А. И. Соловьева» (Пятьдесят второй год. 1911. Отчет общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым... СПб., 1912. С. 24 — 25).

⁴⁵ ИРЛИ, № 784.

⁴⁶ ИРЛИ, № 1366, л. 15 об. (предпол. лист тетради после чистых).

Когда, где и кем была осуществлена эта инсценировка, пока установить не удалось.

Как уже говорилось, «Господин с крепом на шляпе. Драматический этюд в одном действии. Ив. Щеглова. Из рассказа Ф. М. Достоевского „Вечный муж“» был опубликован в литературно-художественном журнале «Пробуждение».⁴⁷

Другое обращение Щеглова к Достоевскому связано с его трудами о народном театре, пропагандистом которого он был. Ссылаясь на авторитет Л. Толстого, его письмо к антрепренеру «Василеостровского театра рабочих» в Петербурге П. А. Денисенко, опубликованное в изданном последним в марте 1886 г. единственном выпуске журнала «Дневник русского актера» (№ 1),⁴⁸ Щеглов защищал, говоря словами Толстого, «огромное по значению дело» создания театра для самых различных и широких слоев народа с доступным и выразительным репертуаром и мастерством сценической постановки, учитывающей традиции народных зрелищных спектаклей. Как в своей первой книге «О народном театре» (М., 1895), так и в итоговом труде «Народ и театр» (СПб., 1911), в главе «По поводу одного солдатского спектакля», имеющей также в краткой аннотации к содержанию книги подзаголовок «Простонародные фарсы и слово Достоевского», И. Щеглов вспоминает, как он «в декабре 1882 г., находясь на службе в Б-й крепости (...) задумал устроить театр для солдат» и, располагая «их повеселить, а не поучить (...) остановился, без дальних размышлений, на веселой шутке „Жаренный гвоздь“, сочинение А. Ф. Погосского, известного народного писателя и знатока солдатского быта».⁴⁹ Рассказывая об успехе у зрителей этого представления, воспроизведенного «впоследствии» в одном из его военных очерков («Жаренный гвоздь»), Щеглов в то же время выражает недоумение по поводу суждения «харьковских учительниц» в составленной ими книге «Что читать народу?», которые характеризуют выбранную им для спектакля пьесу А. Ф. Погосского «как набор грязных и циничных сцен». Говоря о «множестве» примеров «такой интеллигентно-лицемерной щепетильности», Щеглов пишет о том, что «мы» не только «разучились смеяться здоровым, непосредственным смехом», но и «как-то болезненно боимся малейших проявлений такого веселья и с нескрываемым презрением относимся к грубоватому юмору народной комедии»,⁵⁰ и в развитие своей мысли ссылается на утверждение Достоевского в «Дневнике писателя» 1873 г. о том, что «эстетически и умственно развитые слои нашего общества несравненно развратнее в этом смысле нашего грубого и столь неразвитого народа», и приводит большую выдержку из главы «Учителю», в которой Достоевский «привычку русских людей из народной среды» к «сквернословию» сопоставляет со склонностью «мужей» наших «даже самого высшего

⁴⁷ Пробуждение. 1911. Вып. 13. С. 407—411; вып. 15. С. 469—473.

⁴⁸ См.: Щеглов. И. О народном театре. М., 1895. С. 46—48.

⁴⁹ Там же. С. 128; Щеглов И. Народ и театр. СПб., 1911. С. 79.

⁵⁰ Щеглов И. Народ и театр. С. 79—80.

круга» и «известных самыми идеальными добродетелями» к переходу в своих беседах «на эстетически-каскадные темы», к наслаждению при этом не столько «скверным словом», сколько стоящим за ним «скверномыслием». Присоединяясь к призыву Достоевского «хоть немножко подумать» и «об этой противоположности» (21, 116), Щеглов заключает: «Да, следует и даже очень много подумать, в особенности гг. опекунам по части увеселения народного!». ⁵¹

Затем Щеглов останавливается на «прелюбопытнейших открытиях», которые ему «не раз приходилось делать», присутствуя во время народных гуляний на балаганных фарсах, разыгрываемых «на окраине увеселительных площадей (...) наемными мастерскими и солдатами, в обстановке самой примитивной». Он находит истоки некоторых из них и у Лесажа и в новеллах Боккаччо. И в связи с этим поднимает вопрос об отражении в подобных случаях «живой преемственности», о сохранении из века в век народом таких восходящих к мировым и национальным образцам «произведений», к которым он испытывает особую «родственную нежность, каким-то сыновним инстинктом отгадывая их почтенный возраст среди сотен подделок, в каком бы уродливо-искаженном виде они к нам ни перешли...». ⁵² И в подкрепление своих наблюдений он снова как союзника привлекает Достоевского, высказавшего, по определению Щеглова, «опять-таки весьма проникновенное слово насчет этой „преемственности предания“ в известной главе из „Мертвого дома“, посвященной описанию арестантского театра». ⁵³ Упомянув об изображенном в «Записках из Мертвого дома» разыгранном в остроге фарсе «Кедрил-обжора», Щеглов отмечает интерес Достоевского к происхождению этой пьесы, о которой ему тогда ничего не удалось узнать, кроме того, что взята она не из книги, а «по списку», сохранившемуся у одного отставного унтер-офицера, вероятно, в прошлом тоже участника ее представления «на какой-нибудь солдатской сцене» (4, 118—119), и в качестве мудрого предсказания цитирует размышления Достоевского по этому поводу: «У нас, в отдельных городах и губерниях, действительно, есть такие театральные пьесы, которые, казалось бы, никому не известны, может быть нигде никогда не напечатаны, но которые сами собой откуда-то явились и составляют необходимую принадлежность всякого народного театра в известной полосе России. Кстати, я сказал „народного театра“. Очень бы и очень хорошо было, если кто из наших изыскателей занялся новыми и более тщательными, чем доселе, исследованиями о народном театре, который есть, существует и даже, может быть, не совсем ничтожный. Я верить не хочу, чтобы все, что я потом видел у нас в острожном театре, было выдуманно нашими же арестантами. Тут необходима преемственность предания, раз установленные приемы и понятия, переходящие из рода в род и по старой памяти. Искать их надо у солдат, у фабричных, в

⁵¹ Там же. С. 82—83.

⁵² Там же. С. 83—84.

⁵³ Там же. С. 84—85.

фабричных городах и даже по некоторым незнакомым бедным городкам у мещан. Сохранились тоже они по деревням и по губернским городам, между дворянами больших помещичьих домов (...) из крепостных артистов» (4, 119). Что же касается «Кедрилы-обжоры», то пьеса продолжала вызывать недоуменье и вопросы у пребывавшего на каторге писателя. Рассказывая, что он «был счастливее в этом отношении», Щеглов воспроизводит свою встречу «года два тому назад» (т. е. около 1893 г.) в вагоне «с одним фабричным парнем, ехавшим из Иванова-Вознесенска», в беседе с которым он выяснил, что в часы досуга рабочие «животики надрывали» при чтении «сказки о Кедриле-обжоре». Разговор этот дал толчок к «поискам», и в одной из книжных лавок Москвы Щеглов обнаружил лубочную «листовку» о Кедриле-обжоре «с изображением на обложке самого героя — жирного парня, в приказчиьем сюртуке, уплетающего поросенка, и рядом за столом с ним — какой-то меланхолической принцессы Ламбертины, в средневековом костюме с опухавшим в руке». «Рассказ, по сюжету своему, — замечает Леонтьев-Щеглов, — совсем не схож со сценарием пьесы, представленной арестантами „Мертвого дома“, но герой его, по своему аппетиту, тот же; только в пьесе он слуга помещика, а в сказке — слуга фантастического короля Брамбеуса. И если в арестантской пьесе Кедрил-обжора напоминает отчасти мольеровского Сганареля, то в лубочном рассказе он прямо ведет род свой от Гаргантюа Рабле, на что очень прозрачно намекает начало сказки». Обобщая, Щеглов снова подчеркивает, что эта встреча «лишний раз» подтверждает «предвиденье» Достоевского, «советовавшего искать разгадки этой литературной „преемственности“ у фабричных и солдат».⁵⁴

В книгу «Народ и театр» включена статья «Забытый народный писатель. (К истории народного театра)», опубликованная первоначально в 1907 г. под названием «Жертва цензурной инквизиции» (с тем же подзаголовком) в газете «Слово» (16 (29) сент., № 254). В этой статье пойдет речь о Достоевском в связи с его ролью в судьбе Д. Д. Кишенского, имя которого, по словам Щеглова, «лет тридцать тому назад впервые (...) появляется на афише первого московского народного театра, чтобы затем бесследно потонуть в глубочайшей из рек — реке российского забвения». Отметив «большой успех» этой первой пятиактной драмы из народного быта «Кормильцы-Саврасушки» Д. Д. Кишенского, «обставленной лучшими провинциальными силами», и рассказав о неудачных «розысках» сведений о нем, «из коих за наиболее достоверные можно принять, что автор запил и кончил жизнь самоубийством», Щеглов обращается к «отзыву» Достоевского в «Дневнике писателя» 1873 г. о драме Кишенского «Пить до дна — не видать добра», получившей награду на конкурсе пьес для народного театра и опубликованной Достоевским в редактируемом им «Гражданине» (1873, 4, 11 и 18 июня, № 23, 24, 25). Прочитировав большой отрывок из главы XII «Дневника писа-

⁵⁴ Там же. С. 86—87.

теля» «По поводу новой драмы» с характеристикой основной «мысли пьесы» и «шире» — пореформенной народной жизни — «мрачной, ужасной картины этого нового рабства», рисуемого Кишенским (21, 96—97), Щеглов продолжает: «Далее идет очень тонкий и весьма выпуклый разбор драмы, которая даже в небольших отрывках, приводимых Федором Михайловичем, производит неотразимое впечатление. Когда же мне пришлось перечитать ее в подлиннике, я был так сильно потрясен, что долго не мог отделаться, как от кошмара, от страшных в своей жизненности картин этой истинно народной трагедии!». Щеглов пишет, что по силе «трагически ошеломляющего действия» драму Кишенского можно сравнить лишь с «Властью тьмы» Толстого, написанной четверть века спустя. Щеглов подчеркивает: «И гений Достоевского нашел эти божие искры в произведении начинающего драматурга и своими горячими проникновенными строками вызвал из безвестности скромное имя». ⁵⁵

И последнее, чего следует коснуться, это сопоставление в критике, особенно 80-х гг., имен Достоевского и Щеглова. Но, как справедливо писал Чехов, веривший в ту пору, что Щеглов проложит себе самостоятельную дорогу, эти сближения были неосновательны. «Милый капитан! — писал А. П. Чехов своему приятелю 22 февраля 1888 г. из Москвы. — Я прочитал все Ваши книги, которые до сих пор читывал только урывками. Если хотите моей критики, то вот она. Прежде всего, мне кажется, что Вас нельзя сравнивать ни с Гоголем, ни с Толстым, ни с Достоевским, как это делают все ваши рецензенты. Вы писака *sui generis* ⁵⁶ и самостоятельны, как орел в поднебесье. Если сравнения необходимы, то я скорее всего сравнил бы Вас с Помяловским постольку, поскольку он и Вы — мещанские писатели. Называю Вас мещанским не потому, что во всех Ваших книгах сквозит чисто мещанская ненависть к адъюнктам и журификсным людям, а потому, что Вы, как и Помяловский, тяготеете к идеализации серенькой мещанской среды и ее счастья (...). Если хотите, то я, пожалуй, сравнил бы Вас еще и с Доде (...). Вы, ради создателя, не верьте Вашим прокурорам и продолжайте работать так, как доселе работали. И язык, и манера, и характеры, и длинные описания, и мелкие картинки — все это у Вас свое собственное, оригинальное и хорошее». ⁵⁷

Одно из произведений Щеглова 1899 г., в котором и до какой-то степени не без резона критик А. В. А. (А. В. Амфитеатров) уловил близкие Достоевскому ноты, был его незаконченный роман «Миллион терзаний», ⁵⁸ посвященный судьбе больного писателя Теребе-

⁵⁵ Там же. С. 230—239. Подробнее об отношениях Достоевского и Д. Д. Кишенского см. в статье: *Архипова А. В. Достоевский и Кишенский // Достоевский: Материалы и исследования*. Л., 1976. Т. 2. С. 199—207. См. также письмо Достоевского к Кишенскому от 5 сентября 1873 г. и комментарий к нему (292, 300—302, 513—514).

⁵⁶ своеобразный (*лат.*).

⁵⁷ Чехов А. П. Полн. собр. соч. Письма. Т. 2. С. 204.

⁵⁸ Щеглов И. Миллион терзаний. Юмористический роман. Дачный муж. Юмористические очерки. СПб., 1899.

нева, его взаимоотношениям с «беспокойною» женою и неудачной попытке их спастись от тяжелых петербургских впечатлений и нужды переездом в город Лукомор. Имея в виду подзаголовок начатого «Миллиона терзаний» — «юмористический роман», критик писал, что это вообще «редкое явление в русской литературе», жанр, которому конец принесли «Мертвые души» Гоголя — «слишком высокий образец юмористического эпоса», после которого были удачи в малых формах, но не в больших. И далее: «И. Л. Щеглов, писатель, на Гоголе воспитанный, и естественно, что его к традициям Гоголя тянет. Очень жаль, что обстоятельства, выясненные им в остроумном „Меланхолическом предисловии“, помешали Щеглову дописать свой юмористический роман. Обстоятельства эти заключаются в том, что „наше время — не время широких задач“, ибо „писателю-художнику мало иметь ясный взгляд на вещи: надо еще иметь и... Ясную Поляну“ (...) в начальном отрывке „Миллиона терзаний“ чувствуется дыхание настоящего юмористического таланта, может быть, не яркого, несколько робкого, ступающего слишком осторожно, чересчур боязливое, не погрешить бы против традиций классического юмора, но, во всяком случае, настоящего. Это именно тот юмор, что улыбается сквозь слезы, мешая иронии с сентиментализмом, восторженный подъем с внезапной клоунадой (...) Лишь временами в тоне г. Щеглова звучит некоторая насильственность, слышно, что он смеется, когда ему самому совсем не до смеха, и последний, полный слезливого надрыва, начинает походить на истерику. Таковы некоторые юмористические рассказы Достоевского, смешные и по содержанию и по форме («Чужая жена», «Село Степанчиково», «Дядюшкин сон»), но от них совсем не смешно, а жаль героев, о которых пишет автор, и вдвое больше жаль самого автора, потому что ему — вы чувствуете это — мучительно больно достаются картины, которые он пишет. У г. Щеглова нет гения Достоевского, ни его силы и энергии, но искренность его тона — сродни тону великого поэта „Униженных и оскорбленных“». ⁵⁹

---

⁵⁹ Новое время. 1899. 10 (22) февр. № 8246. Приложение. Возникает некоторая аналогия в названиях произведений Щеглова и Достоевского «Дачный муж» — «Вечный муж» или «Белая ночь» (шутка в одном действии Щеглова, предназначенная для народного театра) и «Белые ночи». Возможно, эти названия возникли по ассоциации в памяти, но скрываются за ними у Щеглова сцены совсем иного, водевильного плана.